

ФІЛОСОФІЯ

УДК 111.1

В. Б. О कोरोков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СТРУКТУРИРОВАНИЕ МИФА И ПЕРВИЧНЫЕ ФОРМЫ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ К. ЛЕВИ-СТРОСА

Проаналізовано складну внутрішню темпоральну структуру міфа, становлення якої дуже нагадує формування ритмічних процесів музичного твору, і способи прояву доміфологічних форм буття соціуму в структуралістській концепції К. Леви-Строса.

Ключові слова: міф, соціум, буття, структура, час.

Проанализирована сложная внутренняя темпоральная структура мифа, становление которой очень напоминает формирование ритмических процессов музыкального произведения, и способы проявления домифологических форм бытия социума в структуралистской концепции К. Леви-Строса.

Ключевые слова: миф, социум, бытие, структура, время.

There are a complex internal temporal structure of a myth, that reminds formation of rhythmic processes of a music product, and ways of manifestation premythological forms of life of society in structuralistic K. Levi-Strose's concepts.

Keywords: a myth, society, life, structure, time.

Миф логичен, как показали структуралисты; они раскрыли его сложную эволюционную археологическую хронотопию, чем-то напоминающую ризомный ландшафт. Однако в их концепциях нет прямой динамики, не просматривается видение мифа в привычном классическом измерении времени. Отсюда видима гетеротопия их конструкции мифа. Попробуем рассмотреть ту же конструкцию в более привычном классическом измерении.

Миф, за исключением момента своего рождения, есть структурированное воспоминание о прошлом (хотя в момент рождения он, видимо, был попыткой припомнить, вспомнить будущее, был в платоновской системе размышлений анамнесисом). Музыка есть вечное рождение в психике необходимой последовательности звуков, она может рассматриваться как представление о будущем на основе прошлого, структурированное восприятие будущего, уже осмысленное (в контексте памяти звуков) его прочтение. В соответствии с такой интерпретацией мифа и музыки в эпоху становления мантр, когда мир открывался как нечто цельное (как космос), они практически совпадали. Бытие мира сливалось со звуками. Произнося «ом», древний индус отождествлял себя с бытием мира и в этом акте считал себя его творцом.

Структурирование мира предполагает определенный способ развертывания. Первопроходцы, именователи, огласили себя жрецами, давателями имен и, таким образом, озвучивали (воспроизводили в речи) бытие мира и его фрагментов, они творили мир в слове, зная, как устроено слово и как формируется его звучание. Путь такого прочтения мира был им хорошо известен. Но откуда возник этот путь (проговариваемой формы) они сказать затруднялись, и считали его идущим от вечности, от Бога (Брахмана-абсолюта), – таково внутреннее

устройство, вероятно, наиболее древних индусских мифов, вед. Предпонимание слова и сущности языка шло от вечности. Это и позволило Ж. Деррида в эпоху развитой антропологии размышлять о том, что письмо было извечно, лишь потом возникла культура, которая, как и письмо, уже издревле несла в себе способ разметки мира.

К. Леви-Строс, пытаясь расшифровать генетические и смыслообразующие основы мифа, утверждал, что те формы, в которых представлен современный миф, и формы интерпретации древнего мифа, позволяют говорить об их тождественной основе. «Многослойная структура мифа... позволяет увидеть в нем матрицу значений, расположенных по строчкам и по колонкам, но при любом прочтении каждый его план постоянно отсылает нас к иному плану. Аналогично каждая матрица значений отсылает нас к другой матрице, каждый миф к другому мифу» [3, с. 323]. Мифообразующая структура культуры, согласно Леви-Стросу, выстраивается по типу порождения. Один миф рождает второй, второй третий и т. д., – так образуется система трансформации мифов. Матрица значений Леви-Строса, по существу, представляет собой матрицу порождений, имеющую истоки в мифологической древней культуре. Несомненная заслуга Леви-Строса в том, что он увидел миф не как статическое традиционное образование, которое сковывало рациональную культуру своей архаичностью, а как изменяющуюся во времени динамичную систему, которая устроена по типу порождения и преемственности. Истоки современной культуры в архаике.

Миф в концепции К. Леви-Строса оказался устроенным буквально по тому же принципу, что и язык. Классическая культура исходила только из синхронического их прочтения, неклассическая культура обнаружила не только исторические изменения, но и диахронические. В. Дильтей развивая учение о понимающей психологии, по сути, создал науку, понимающую человека, или понимающую антропологию. Ф. де Соссюр использовал критерии, аналогичные дильтеевским, применительно к языку и обнаружил его диахронический срез. Феноменологическое прочтение времени Brentano и Husserl созвучно диахроническому прочтению языка Ф. де Соссюром и экзистенциальному прочтению бытия из горизонта времени М. Хайдеггером – эти моменты фактически знаменуют последовательные неклассические этапы развертывания культуры в контексте времени. В этой же плоскости проходили поиски К. Леви-Строса. Аналогичное прочтение мифа на основе жизни современных индейцев позволило раскрыть ему особенности мифа, понять реальные особенности антропологического прочтения языка, мифа и времени. Леви-Строс считал, что за всей совокупностью значений мифов стоит нечто такое, что высвечивает особенности бытия человека. «Когда спрашивают, к какому предельному смысловому содержанию слова отсылают нас эти указывающие друг на друга значения, которым необходимо, в конце концов, быть всем вместе отнесенными к чему-то одному, то единственный ответ... состоит в том, что мифы указывают на дух, создающий их при содействии мифа, частью которого является и он сам» [3, с. 323]. В таком случае именно дух, как порождающее человеческое начало, формирует и миф, а миф, как адекватно сгенерированное начало, включает дух. Порожденное человеком мифическое начало через всю историю пронесит образ творения мира (в мифе) и в таком контексте образ творца, его особенности и свойства, причем, преимущественно такие свойства, которые носят, скорее, не рациональный, а духовный (точнее, иррациональный) характер. «Таким образом, мифы могут быть одновременно порождены духом, олицетворяющим их причину, и мифами, представляющими картину мира, уже включенную в архитектуру духа» [3, с. 324]. К чему в таком смысле может быть сведена логика смысла (мифа), точнее, логика бытия духа? Оказывается, что дух изначально размечен согласно структуре мира, и миф лишь отражает такую его архитектуру. Возможно, как следствие такой архитектоники (сквозных внутренних процессов сопряжения инь и ян, по логике древних китайцев) в Древней Греции появились представления о диалектике. Сложную внутреннюю диалектическую игру становления духа попытался раскрыть более двух тысяч лет назад Гегель.

Однако и в его концепции диалектика все еще не отражала реальных внутренних процессов бытия духа. Поэтому Шопенгауэр, Кьеркегор и Ницше искали другие аргументы, которые смогли бы пролить свет на структуру духа. Они и вернули философию в сферу иррационального происхождения, к законам воли и экзистенции. Структурное оформление мифов и духа, проведенное Леви-Стросом, принципиально иное, чем в диалектике Гегеля, оно связано с их становлением и развитием, ведь диахрония и диалектика – это процессы, происходящие в принципиально различных плоскостях. Диалектика, скорее, сопровождается отрицанием синхронических процессов становления мифа, языка и духа (и тем самым, скорее, связана с классическими представлениями об изменении их структуры как целого). Она видит лишь существенные различия. Тогда как неклассическое мышление интересуется, скорее, историческим различием, диахронией, не тождественностью сущего в истории, а историческим различием, становлением, бытием изменяющихся образований, которые ранее ассоциировались с чистой сущностью. Диахрония характеризует исторический срез трансформации языка и духа (рассечение структуры мифа не в абсолютной, проведенной в данное конкретное время, а в исторически сложившейся, проходящей через всю историю ретроспективе). В таком подходе уже не мир теряет ориентиры, а дух утрачивает привычную динамику рассмотрения сущности. Дух и вещь становятся, по сути, несоизмеримыми, так как реальная историческая плоскость рассмотрения расплывается по всей временной ретроспективе их соприкосновения. Работа такого духа по структурированию мифа типична для всех исторических процессов. «Заранее заимствуя свою материю у природы, мифологическая мысль действует так же, как и язык, отбирающий фонемы из природных звуков, лепет которых служит ему практически ничем не ограниченной гаммой... В данном случае мы должны примириться с тем, что материя представляет собой инструмент, а не объект обозначения» [3, с. 324]. И мифологическая мысль видит в окружающей действительности гамму духовных образований, так или иначе соизмеримых с материей, которые являются инструментами для работы духа. И спектр их, как и гамма звуков, очень велик. Более того, гамма звуков (звуковой спектр соударений тел) и гамма духовных образований (видимый спектр излучения тел) – это в определенном смысле похожие инструменты, которые применимы к различным пространствам бытия. «Мифологическая мысль признает природу лишь тогда, когда способна ее воспроизвести» [3, с. 324], продублировать на языке смыслов (в духовном измерении). Нужно учесть и то, что древние с их обостренным восприятием природы, близким к чувственности животных, слышали и видели мир в более широком спектре, возможно, над каждым из материальных образований они реально видели некий энергетический спектр (как это видят кошки, собаки и т. д.), который и называли духом вещи и который мы утратили способность видеть.

Ориентируясь на мифологическую культуру древних индейцев, Леви-Строс выводит принципиально иную некартезианскую модель сознания, согласно которой «чистая рефлексия сводится к интериоризации космоса» [3, с. 268]. Он считает, что, обращаясь к мифологическому сознанию, преодолевает недостатки картезианского *cogito*, которое явилось одним из самых известных и распространенных вариантов преодоления психологизма. Недостатки картезианского рационализма связаны с тем, что *cogito*, хотя и является первичной структурой, определяющей все остальные функции психики, само по себе воспринимается уже как сформировавшаяся структура и, следовательно, как таковое, не раскрывает сущность своего происхождения. Поэтому картезианская модель самосознания является вторичной по отношению к архаичной модели Леви-Строса: она может быть лишь следствием какой-то более первичной (ранее организованной) разметки сознания, тогда как мифологическое сознание является первичным самоконституирующим способом разметки, соответствующим изначальному архаичному видению мира (Космоса). В настоящее время мы, собственно, не знаем, была ли некая переходная (от доразумной к мифологической) модель сознания, прешествующая мифологической (по Леви-Стросу) или праологиче-

ской (в концепции Л. Леви-Брюля [1]), которые в таком понимании имеющих представлений выступают как первичные. Леви-Строс уверен, что в его конструкции речь идет о первичной форме мышления, которую можно назвать «архаичной» не только в историческом аспекте, но и в сущностном, что раскрывается в архаике древнегреческого слова *αρχη* – «начало», «исток», «основа». Первичное мышление реализуется, прежде всего, в форме мифа. Такие первичные формы мышления традиционно называются мифологическими [3]. Именно на основе этих первичных форм в дальнейшем, по его мнению, формируется язык и сознание. Конечно, мы можем говорить о христианской модели становления первичного сознания, но она ничего нам не добавляет к уже сказанному, так как Адам и Ева, вкусив яблоко от древа мудрости, сразу оказались разумными и – зрячими. Сложнее выглядит суть индуистских представлений о происхождении сознания. Вероятно, становление Атмана и его связь с Брахманом в ведической культуре требует особого прочтения. Но ведь и в этой древней конструкции мифа путь разума не исключается; разум лишь становится промежуточным этапом в переходе от индивидуального сознания ко всеобщему, хотя сам первичный этап становления ведического мифа весьма своеобразен и тут можно обнаружить зерна допервичных (в смысле Леви-Строса) переходных форм.

Также Леви-Строс видел и еще один вариант появления первичного мышления, согласно которому сознание было конституировано лишь тогда, когда появилось коллективное мышление и вместе с тем, согласно представлениям У. Джеймса, Э. Дюркгейма и К. Юнга, коллективное бессознательное. В таком варианте главную роль начинает играть незримо присутствующий во всех функциях психики Другой. Х. Яннарис считает, что Другой вообще единственная возможность взаимности нашей связи с миром. Он есть лицо мира, является логосом каждой развернутой перед нами сущности [5]. Другой, согласно этой версии, структурирует нашу психику, являясь для нас одновременным сочетанием вещиности и сознания-логоса. Сознание Я выстраивается в соответствии с логосом-Другим уже не в силу тождества или единства связей между ними, а в силу фундаментального различия. На первый план выходит различие, что и характеризует несомненное отличие неклассического сознания от классического, которое было построено по принципу тождественности различных Я.

Пытаясь выявить фрагментированность первичного мышления, Леви-Строс исследует соотношение первобытных религий, прежде всего, тотемизма и жертвоприношения. Основным различием этих типов первобытных религий выступает социальный праксис. Таким образом, специфика воздействия Другого раскрывается не только в виде логоса, но и посредством религиозного социального праксиса. Другой встраивается в нашу психику не только как логос, но и как миф, не только словом, но и верой. Сочетание слова и веры – основа разметки языка, мифа, в концепции Леви-Строса, а вместе с тем, согласно Лакана, и всей нашей психики. Соответственно, первичные механизмы разметки нашей психики (и сознания, и бессознательного) – это слово, вера и дело (язык, вера и праксис). Гимн этим первичным инструментам разметки психики человека складывается в христианстве. Вспомним апостола Павла: верой и делами спасется человек. Однако мифологическое понимание соединения веры и слова мы находим намного раньше в ведийских текстах.

Различие в способах взаимодействия слова, веры и праксиса приводит Леви-Строса к пониманию принципиального различия первобытных религий в способах разметки сознания. Система тотемизма создает сетку дифференцированных разрывов между элементами, которые предстают дискретным образом. В случае жертвоприношения для определенных божеств фундаментом является принцип замещения. Между системами тотемизма и жертвоприношения существует фундаментальное отличие: первая – является квантифицированной (между рядами природных видов и социальных групп существует корреляция и квантифицированный переход, в котором рождаются оппозиции), вторая – допускает непрерывный переход между элементами (целью жертвоприношения

является установление отношений смежности с помощью ряда последовательных идентификаций, которые могут осуществляться в двух направлениях, в зависимости от того, является ли оно искуплением или ритуалом причастия). Эти системы-коды являются противоположными по своей ориентации – метонимичной и метафоричной, создающими два типа межличностных отношений: первый (в «коде» тотемизма) монологичен по сути сообщения, второй (в «коде» жертвоприношения) – диалогичен; первый – исходит из собственной идентичности, второй – из идентичности символического Другого [3, с. 243–247]. Для второго типа идентичность носит абсолютный или граничный характер, который осуществляется через опосредованный объект (здесь и возникает прообраз отношения к Другому). Видимо, все же язык, как непосредственное соединение всех атрибутов психики и встроенности человека в мир, рождается на пересечении этих важнейших для появления человека параметров (слова, веры и дела). Проблема выявления первичности одного из них или возможного их пересечения является важнейшей для понимания сущности сознания и психики. Вероятно, первобытные религии как раз и интерпретировали различные способы и возможности их соединения. Леви-Строс исходил из различия способов праксиса и вывел внутренние закономерности первичного мышления. Но поскольку язык, как способ разметки и праксиса, и веры, и слова, несет в себе все первичные элементы их сочетания, постольку выделение одного из другого становится задачей архисложной. Современное сознание уже пользуется сложившейся исторически разметкой-языком, а историю оно не видит и не понимает, все, что связано с историей, принадлежит подсознанию. Прошлое, хотя и включено в настоящее сознания, закрытая для него тема, ибо, несмотря на непрерывность потоков сознания и времени, существует определенный разрыв между прошлым и настоящим. Согласно Леви-Стросу, язык, будучи нерелексированной тотальностью, является все же человеческим разумом, который имеет собственные основания, неизвестные человеку. Это означает, что общение является своеобразным бытием-в-Другом в двух смыслах (во внешнем плане – как непосредственно другому субъекту и во внутреннем (в языке) – как Другому для нашего тотального Я) [3, с. 273]. Эта нерелексивность и сыграла злую шутку с эволюцией взглядов Леви-Строса. Самое удивительное оказалось скрытым в закрытых от привычного понимания оппозициях-рефлексив, которые изнутри, не обнаруживая себя на уровне разума, детерминировали все завоевания веры-логоса. То, что мы сейчас называем измененным состоянием сознания, фактически, ориентировано на сложный спектр внутренних оппозиций, пришедших из истории и несущих в себе огромных энергетический потенциал. Леви-Строс считал, что загадка языка – нерелексивной тотализации Другого – состоит в его символизме. Однако это ничего не добавляет в том смысле, что каждый символ, пришедший из истории, побуждает сознание (точнее, психику в целом) к конституированию сложной гаммы энергетических форм, включающих и эмоции, и переживания. Артикулированный язык, по мнению Леви-Строса, раскладывается на элементы, каждый из которых является не знаком, а способом знака – отличительной единицей, которую нельзя замещать другой без изменения значения и которая сама по себе не может быть избавлена от признаков своего значения [3, с. 242]. Способ бытия знака жестко связан с признаками значения, которые несут в себе первичные отличия от иных значений. Так знак фиксирует смысловую границу значения. Причем признак границы – вовсе не материальное образование, а духовное, – то, что вкладывает в него определенная социальная группа. Знак материален, а значение и его граница духовна. Размывание границы значения приводит к нарушению бытия знака. Леви-Строс еще не онтологизирует знак, но наделяет его, как и миф, который интерпретирует сложный знак в целом, некими новыми духовными свойствами, которые указывают на внутреннюю вибрацию границы знака и мифа, на возможность их и синхронического, и диахронического размывания и препарирования. Миф способен пробуждать скрытые внутренние энергии сознания и психики, зало-

женные в диахроническом топосе. Для этого необходимо иметь ключи к его адекватному прочтению.

Леви-Строс обнаружил сложную динамику бытия мифа, в которой перемешаны различные структурообразующие процессы (божественные, социальные, прагматические и т. д.). Однако сам механизм функционирования мифа является очень похожим в разных культурах и социумах. Структурализм обнаруживает не формы существования мифа, а способ бытия и формирования самих этих форм. Он открывает новое структурно-антропологическое видение социальных процессов второго порядка (обнаруживает нелинейные формы бытия мифов и языка). Фактически, Леви-Строс показывает, что логика мифа является не той линейной конструкцией, ярким примером которой является формальная логика, а более сложным темпоральным образованием, переносящим сущность логики из прошлого в будущее.

Библіографічні посилання

1. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика-пресс, 1994. – 608 с.
2. Леви-Строс К. Мифология: Сырое и приготовленное / К. Леви-Строс. – М. : ИД «Флюид», 2006.
3. Леви-Строс К. Первісне мислення / К. Леви-Строс. – К. : УЦДК, 2000. – 324 с.
4. Яннарис Х. Варіації на тему Пісні Песень / Х. Яннарис. – К. : Дух і Літера, 1999. – С. 14–151.

Надійшла до редколегії 02.01.11

УДК 101.1

В. О. Панфілов

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ФІЛОСОФІЯ НАУКИ (МАТЕМАТИКИ): ГЕНЕЗА, ФОРМИ І ЗАСОБИ ВЗАЄМОДІЇ

Проаналізовано виникнення, зміст і етапи розвитку філософії науки, гносеологічні структури та концептуальні схеми діалектичного осмислення математики (науки).

Ключові слова: філософія, наука, математика, філософія науки (математики), концептуальна схематизація, етапи розвитку.

Проанализированы возникновение, содержание и этапы развития философии науки, гносеологические структуры и концептуальные схемы диалектического осмысления математики (науки).

Ключевые слова: философия, наука, математика, философия науки (математики), концептуальная схематизация, этапы развития.

Occurrence, the maintenance and stages of development of philosophy of a science, gnosiological structures and conceptual circuits of dialectic judgement of mathematics (science) are analyzed.

Keywords: philosophy, a science, mathematics, philosophy of a science (mathematics), a conceptual schematization, stages of development.

Філософське осмислення науки (математики) не входить до прямої компетенцію ні вченого математика, ні філософа. Поняття філософії науки ще не цілком устоялося і закріпилося у філософському менталітеті і побуті. Однією з